

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Тэссы О'Свейт
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. ЗАЩИТНИЦА ВЕРЫ
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. ИЗ СВЕТА ВО ТЬМУ





Тэсса О'СВЕЙТ
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.
ИЗ СВЕТА ВО ТЬМУ

Роман

Москва, 2022
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-11

Серия основана в 2004 году
Выпуск 750

Художник
В. Федоров

О'Свейт Т.

О-11 Двойная жизнь. Из света во тьму: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 281 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-3461-9

За спиной остался замок, отец, личная служанка и первая в королевстве фрейлина. Во главе войска через снежные земли я еду на север королевства, чтобы восстановить мир и покой в мятежном герцогстве и посадить на трон законного правителя.

Где-то впереди меня ждет Алая крепость, принадлежащая Фиральской комтурии, и знания, что могут пролить свет на дарованные мне силы. Где-то впереди меня ждут мятежные бароны, готовые стравить между собой двух братьев ради собственных корыстных интересов. Где-то впереди маячит война... Надо мной тяготеет пророчество, а дни моей свободы, оставшиеся до приезда завоевателя Аримана в столицу, сочтены.

Корона принцессы тяжела, меч защитницы веры алчет крови, а сны подчас опаснее реальности. Как пройти этот путь до конца и вернуться, не потеряв себя? На этот вопрос мне еще предстоит найти ответ...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Тэсса О'Свейт, 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3461-9

ГЛАВА 1

О свершившемся и грядущем

Шел третий день нашего марша в Фиральское герцогство. Чем дальше мы отходили от столицы, тем холоднее становилось, и мне уже не казались ненужными все те теплые вещи, что были взяты с собой. Поход напомнил об университетских временах, когда мы после третьего курса, собравшись нашей небольшой, но крепкой компанией из семерых человек, купили себе путевки на Алтай. Тогда разве что снега не было...

«Конная феерия», как мы потом между собой окрестили это приключение, себя оправдала на все сто. Правда, на конях мы проделали только часть маршрута, хоть и достаточно приличную, однако этого хватило, чтоб мои не подготовленные к седлу однокурсники ходили потом враскоряку пару-тройку дней, периодически одаривая меня самыми многообещающими взглядами, ведь включить в путешествие конный маршрут предложила именно я. Впрочем, когда эмоции чуть улеглись, мышцы перестали болеть, а ноги стали сводиться вместе без заметных усилий, товарищи все же согласились, что идея с конной прогулкой была хороша. Фотосессия, которую устроил не расстающийся со своим «кэноном» Пашка, разлетелась по всему институту, оно было и неудивительно — брутальные мужчины с суровыми лицами, демонстрирующие обнаженные торсы на фоне белоснежных вершин Белухи верхом на конях, и невесомые нимфы, отражающиеся в глади Кучерлинского озера, обнимающие лошадей за шеи или лежащие на их спинах. Фурор был обеспечен. О том, с какой скоростью натягивались теплые вещи после якобы игривых фотосессий, мы никому не рассказывали. Вот и теперь дорога, в воздухе чувствуется прохлада, мерное покачивание в седле, гул шагов сотни

воинов и нескольких десятков коней — Марьям оказалась воистину щедра — все это погружало меня в какое-то умиротворение, близкое к медитации, отодвигая на задний план мысли о том, кто мы и зачем идем в раздираемое гражданской войной герцогство.

— ...Ваше высочество, что вы скажете?

Я вынырнула из воспоминаний под влиянием скрипучего голоса мастера меча, что крайне редко называл меня раньше по титулу, а сейчас, очевидно, создавал видимость светского этикета и, кроме того, привлекал мое внимание.

— Это необходимо обдумать, — ровным тоном заявила я, не сводя взгляда с марширующих впереди нас солдат.

Конечно, я прослушала все, о чем они говорили с Бернардом из Шоара, и островитянин это отлично видел, но не присланный вместе с войском командир, вполне приятный на вид и в общении мужик, который при этом явно не до конца понимал, как ему вести себя со мной и что я вообще делаю в рядах армии. Я его не винила — соединяя в себе одновременно религиозную и светскую власть, я была еще и женщиной, к коим в Андарии относились хоть и более лояльно, чем в нашем родном Средневековье, однако в роли гордых воительниц видеть не стремились. С другой стороны, он же прибыл от Марьям, женщины более чем эпатажной по меркам королевства, неужели ему все равно непривычно было лицеизреть кого-то еще «сильной и независимой»?

Покачав головой в такт собственным мыслям, я глянула на клонящееся к закату солнце, прикидывая, когда будет привал и, главное, ужин. До вожделенного котелка с похлебкой оставалось никак не меньше часа, а в животе уже создавалось неприятное ощущение посасывающей пустоты.

Бернард, коротко кивнув, направил коня в сторону, к своим офицерам, оставив нас с Харакашем, который тут же не преминул пройти по моей невнимательности.

— Мы через четыре дня прибудем в герцогство, а вы витаєте в облаках, — начал он без каких-либо прелюдий, заставляя меня произвольно скуксится. Иногда мастер меча был просто невыносим.

— Пользуюсь моментом, вдруг потом не представится. — Ответ я проворчала себе под нос, но Харакаш все равно услышал, тяжело вздохнул, возвел очи к небу и, пришпорив коня, оставил меня с Альвином, чей конь шел позади моего.

Некоторое время я наслаждалась одиночеством и относительной тишиной, а потом, обернувшись, жестом подозвала своего самовызвавшегося телохранителя.

— Да, ваше высочество? — Голос Альвина был полон бесконечного умиротворения. Казалось, что он получал большое удовольствие от похода, заскучав в должности помощника капитана стражи в замке. Может быть, так и было?

— Ты ведь уже бывал в подобных походах? — Спросить я хотела совсем другое, но почему-то задать вопрос напрямую оказалось сложно.

Альвин, не ведая о моих сомнениях, кивнул, но, поняв, что я жду больше, чем молчаливого подтверждения, заговорил:

— Я участвовал в Пятой обороне границы от Ульмана и в битве Сожженного Древа тоже.

Судя по голосу моего телохранителя, что-то особенное произошло в той битве, но спрашивать я побоялась, ведь я должна была знать о не так давно произошедших событиях. К сожалению, времени на изучение всего у меня катастрофически не хватало, пусть я и прихватила с собой неосиленный и до середины четвертый том Мартина из Бейона, изучение его шло крайне медленно — после ужина я забиралась в постель, открывала книгу на закладке и засыпала, прочитав едва ли страницу.

Гаратэ всхрипнул, потрянув гривой и глухо звякнув шейной броней. Действительно, чего я боюсь?

— Убивать — это... как? — Альвин бросил на меня беспокойный взгляд и тут же отвел глаза.

— Ваше высочество, может быть, вам и не придется...

— А если придется? Мы туда не цветами торговать едем, я веду войско усмирять мятежников и должна быть готова... убить, если потребуется. — Последние слова дались мне с трудом. Альвин не знал, что эта война для меня была вроде тренировки, ведь мне предстояло лишиться жизни куда более высокопоставленную цель. И малейшее промедление будет стоить

мне жизни, да и не только мне. А я была не готова. Что и не удивительно — с чего бы вдруг мне, жительнице мегаполиса XXI века, экономисту по образованию, быть готовой хладнокровно убить человека? А придется...

Альвин молчал, потом вздохнул, очевидно, его мои вопросы не радовали.

— Возможно, мастер меча сможет объяснить вам лучше меня? Я простой солдат... — предпринял он еще одну попытку увильнуть от щепетильной темы разговора, и я гневно фыркнула. Будто я не спрашивала рыжебрового об этом! И что? Что он мне сказал?

— «Придет время, и вы поймете, принцесса», — передразнила я интонацию Харакаша и требовательно посмотрела на своего собеседника. Альвин хмыкнул, но тут же вернул серьезное выражение лица. Я не собиралась отставать, но решила зайти с другой стороны. — А ты помнишь своего первого убитого? — Да, согласна, вопрос звучит банально, ну а что мне еще было спрашивать? Пристально глядя в лицо Альвина, я не могла не заметить легкую тень, что легла на него, а чуйка, обострившаяся за последние дни, донесла до меня чувство легкой печали и раздражения. Кажется, я наступила на большую мозоль.

— Я не помню его лицо, если вас интересует это. — В его голосе прорезались жесткие нотки, он помолчал пару мгновений, а потом продолжил уже мягче: — В ранние времена Суррей часто подвергался ульманским набегам, особенно когда его величество Армарик заболел и герцоги были больше озабочены воцарением вашего отца на троне, нежели бедами простых людей. — Альвин снова замолчал, подбирая слова или, пожалуй что, вспоминая события того дня, а я, быстренько представив мысленно карту королевства, поняла, что до этого просто не задумывалась о том, что мой телохранитель родом из Маривского герцогства, а Суррей был едва ли не первым городом на его территории, если суметь пересечь границу с юго-запада...

— Альвин, не надо, я не подумав спросила. — Взвесив все «за» и «против», я все же решила, что не стоит бередить старые раны, но мой спутник качнул головой.

— В тех событиях, если подумать, нет ничего страшного, ваше высочество. Наверное, учитывая все, это действительно может вам помочь... Мне продолжить? — Альвин дождался моего кивка и, прочистив горло, принялся рассказывать дальше: — Мне было около девяти лет, когда Ульман прорвал оборону форта Гаввар, до сих пор считают, что там не обошлось без предателя с нашей стороны, и его мародеры добрались до Суррея. Отец шел со своим отрядом от форта Ильтар, но они были в двух сутках постоянного марша до города, а когда там узнали, что граница прорвана, ульманцы были от нас уже меньше чем в полудне пути. Жителей предместья даже впустить в крепость не успели, сколько людей тогда осталось за стенами...

Альвин замолк, чтобы перевести дух и собраться с мыслями, а я почувствовала, как пересыхает горло и встают дыбом волоски по всему телу от зрелища, что представилось мне в голове. Запертые ворота, в которые отчаянно стучат люди, обреченные на смерть или рабство, и какие-то размытые фигуры, налетающие на них с клинками наголо.

— В городе начался бунт, часть находившихся внутри оказалась разделена со своими семьями, и в итоге люди стали штурмовать стены изнутри... Слепое желание быть со своими близкими погубило не только их, но и почти весь город. Воспользовавшись смутой, ульманцы смогли ночью перебраться через стены незамеченными и, перебив стражу, открыть ворота крепости. Я так мало помню о той ночи. Мы заперлись в доме, спрятались в погреб. Мама замотала сестре рот тряпками, чтобы та не могла закричать, если испугается. Помню, что в дом вломились и люк погреба открыли, тогда мама закрыла нас собой, толкнув к стене, и ни меня, ни Солею не заметили. Мародеров было двое: один держал мать, а второй осматривал дом. Потом они решили, что она уже достаточно старая, чтобы быть невинной, и потому ею можно воспользоваться без ущерба для товара. Когда они оба отвлеклись на мать, я вылез из подвала, взял стоящую возле очага кочергу и проломил тому, что стоял ближе всего ко мне, череп. Кажется, я ударил пару-тройку раз, не исключено, что даже больше, не помню, если честно. Второго, стоило ему наброситься на меня, убила мама кухонным ножом. После этого мы затащили трупы в подпол, снова спрята-

лись там сами, предварительно раскидав все вещи и мебель и оставив входную дверь открытой, словно дом уже обнесли. Меньше чем через сутки ульманцы покинули город, и мы выбрались оттуда. — Альвин замолчал и вопросительно взглянул на меня, очевидно интересуясь, удовлетворил ли он мое любопытство.

Я ехала, тупо глядя перед собой и пытаюсь представить, каково это — проломить голову насильнику матери, а потом сутки просидеть в темном холодном подвале с двумя трупами под боком и надеяться, что тебя не найдут.

— Ваше высочество? — В голосе моего телохранителя проскользнуло беспокойство, и я, попытавшись стряхнуть с себя оцепенение, зажмурилась и помотала головой. Конечно, я не пребывала в иллюзиях насчет мира, в который попала: никаких тебе единорогов, какающих бабочками. Войны, болезни, смерти, дети-сироты, боги-паразиты — все это было вполне ожидаемо. Реальная жизнь без прикрас, как она есть. — Ваше высочество, вы в порядке?

Альвин осмелился даже коснуться моей облаченной в латную перчатку руки, и я закивала, проморгавшись от внезапно набежавших слез.

— Да-да, Альвин. Я в порядке. Скажи, а те, кого увели в плен... что с ними стало?

— Отец рассказывал, что они столкнулись с уходящими из города прямо на окраине предместья. Когда ульманцам стало ясно, что уйти с товаром им не дадут, они согласились на переговоры, но это были не те переговоры, которых мы ожидали. Ульманцы потребовали дать им уйти, и тогда пленников они отпустят перед самой границей живыми. Иначе всех попавших в рабство убьют до того, как в битве умрут их пленители. Отец не знал, в плену мы, погибли или остались живы в городе, но понимал, что стоит дать противнику дойти до границы, и там их встретит настоящее ульманское войско, а не этот отряд, и никого уже будет не вернуть, потому отдал команду к атаке. Спасти удалось лишь чуть больше половины взятых в плен — остальным успели перерезать горло. Подошедший на помощь второй отряд перекрыл дорогу к отступлению, и все ульманские мародеры были перебиты. — Альвин замолчал, а потом

продолжил с явным одобрением в голосе: — Отец после этого попросил командование о расчете, но ему предложили перевод в городской гарнизон, наградили деньгами за доблесть, а потом он ушел в отставку и открыл лавку... Его награды хватило даже на это!

На лице Альвина сияла почти мальчишеская улыбка, он вспоминал время после тех ужасных событий с явной теплотой, меня же почти что колотила дрожь. Я пыталась осмыслить все сказанное моим спутником, объяснить себе, что это обычное дело — брать пленников из враждебного тебе королевства, использовать их...

Он не знал, там его жена и дети или нет, но все равно отдал приказ об атаке... Какой силой воли надо обладать, чтобы сделать такой выбор?

— Спасибо, Альвин... За рассказ. Спасибо. — Отведя глаза от Альвина, что снова посматривал на меня с явным беспокойством, я нашла взглядом Харакаша: даже учитывая летящий с небес снег и прохладный ветер, он не удосужился накрыть лысую голову, выделяясь на фоне облаченных в капюшоны людей.

Я надеялась, что рассказ моего телохранителя прояснит что-то, и не ошиблась — стало кристально ясно, что я взвалила на себя крайне тяжелую, возможно, непосильную ношу. Жаль, что я не могла поговорить об этом с отцом — со своим настоящим отцом — и спросить его, почему он стал военным и что им двигало? Что движет людьми, которые идут к своей потенциальной гибели, дергают смерть за косу, когда для того нет крайней необходимости?

От размышлений меня отвлек внезапно оказавшийся рядом мастер меча.

— Командуем привал. — Он не спрашивал, он утверждал, и я, не имея ничего против, кивнула. Харакаш громко свистнул, привлекая внимание Бернарда и двух стоящих рядом с ним офицеров, и мотнул головой в сторону. Командующий армией ответил еле заметным жестом, коротко передал указания своим офицерам, и уже через минуту над колонной послышался вожделенный приказ свернуть с дороги и разбить лагерь.

Я наблюдала за процессом уже третий раз и все еще не уставала поражаться тому, как слаженно действовал этот военный механизм. Повозки, в которых уже вовсю шел процесс готовки нехитрой снеди, сводили с дороги, расставляя в длинный полукруг. Разбивались общие палатки, ставился и мой небольшой шатер — исключительно походный, не для долгого проживания, как пояснил мне Харакаш. Предполагалось, что по прибытии в Фиральское герцогство мы разместимся в резиденции герцогов, иные варианты не рассматривались ни Рудольфом, ни графом Ольди, ни Бернардом. Я старалась разделять их оптимизм, слабо представляя, что нас ждет на самом деле, и доверяя людям более опытным.

Кормили мою царственную особу, а также офицерский состав с общего стола тем же, чем и солдат, лишь добавляя к нашим порциям по горсти сухофруктов, кусочку медовых сот и щепотке специй, которых мне очень не хватало в наваристой, сытной, но пресной похлебке. Выходило очень калорийно, учитывая, что сама похлебка была достаточно густой — из крупы, подсушенного мяса, лука, сухарей — и с приличным куском хлеба вприкуску. Я даже опасалась после первого такого ужина, что рискую к концу недели не влезть в собственные доспехи, о чем ради смеха поделилась с мастером меча, на что тот невозмутимо ответил, что ремешки кирасы можно и ослабить, но если серьезно, то мои тренировки он на время похода прекращать не собирается, так что за лишние килограммы я могу не переживать — не появятся.

Мастер меча не соврал. Первый день похода был щадящим, но следующим же утром, пока лагерь только поднимался и собирался, а Альвин занимался седланием коней, у меня была разминка, пробежка и даже осталось немного времени, чтобы привести себя в порядок после физической нагрузки. Харакаш набирал снег и топил его на тлеющих с ночи углях до приемлемой температуры, и если я не копалась во время пробежки, то успевала утащить котелок в свой шатер и быстро протереться теплой водой. Если нет, то мастер меча с безразличным лицом выливал воду прямо на остатки костра. В первый раз я так лопухнулась и теперь старалась не филонить во время пробежки — ходить грязной мне не хотелось совершенно, и остро-

витель, очевидно, об этом знал, потому что каждый вечер меня ждал котелок нагретой воды независимо от того, насколько сильно я выкладывалась на вечерней тренировке, которую мне устраивали перед ужином. Кроме того, я должна была по его требованию носить доспехи весь день! Вот и сегодня — лагерь разбивался, ужин готовился, а ее высочество в моем лице обреченно стаскивала свою латную тушку с седла и шла на уже очерченный мастером меча своеобразный ринг. Настало время боли и унижений!

Альвин, неизменно наблюдающий за моими тренировками молчаливо и с любопытством, пока еще отсутствовал, хотя его я как раз не стеснялась совершенно. А вот к бродящим мимо импровизированной площадки, границы которой были протоптаны Харакашем, солдатам привыкнуть было тяжело. Впрочем, пока те молчали, мастер меча не обращал на них внимания, а всех, кто решил, будто может давать советы выходцу с Туманных островов, Харакаш отвалил еще в первую тренировку, с полуулыбкой предложив выйти против него в дружеском поединке.

В отличие от солдат, облаченных в сюркоты синих цветов, островитель носил что-то вроде многослойного пончо, перехваченного тонким ремнем, чтобы ткань не перекрывала висящие на поясе мечи, и перед боем это пончо Харакаш снял, продемонстрировав находившийся под ним доспех, каких я тут еще не видела. Нагрудник из толстой, темной, воценой кожи был украшен на животе дополнительной накладкой в виде крупных чешуек, кожаных же. Под грудиной накладка с живота переходила в накладку на груди, где был вытравлен сложный орнамент, представляющий двух воронов, что сидели спиной друг к другу на ветвях, а их хвосты сливались с канвой травления. Кожаные сегментарные наплечники с металлическими вставками, украшенными так же, как и нагрудник. Короткие кожаные наручи, позволяющие увидеть мелкозвеньевую кольчугу, надетую под доспех. И край красного стегла, чуть торчащий из-под длинной, ниже середины бедра, кольчуги, уже полинявший на тысячу раз, но украшенный все еще заметной вышитой лентой по краю, — алые и желтые маки на черном поле.

Я вышла с тренировочной площадки, отойдя к Альвину, что тут же предложил мне нагретое место на пне, укрыв меня моим же плащом, и следующие полчаса мы во все глаза смотрели, как мастер меча гонял солдат кругами, словно матерый тигр нашкодивших котят. Если бы меня попросили описать технику его боя, я бы сказала, что ее нет и она во всем одновременно — казалось, что островитянин буквально взрывается яростными шквалами хаотичных ударов, взяв в руки свои полуторные мечи. Он по сотне раз менял блокирующую и атакующую руку, сбивал шлемы с голов, подсекал ноги и выдавливал противников одного за другим с арены. Удары совершались с самых неожиданных позиций, но, заметив, что я пытаюсь уследить за взмахами клинков, Альвин мягко прикоснулся к моему локтю и указал пальцем на ноги островитянина:

— Смотрите, как он двигается, ваше высочество. Это будет куда полезнее для вас.

Харакаш, мягко переступая с ноги на ногу, никогда не останавливался на одном месте, кружа вокруг очередного соперника. Шаги его были не ритмичны — он то задерживался, то ускорялся, всегда ступая с носка на пятку и стараясь ставить ступню под углом к своему телу.

— Это похоже на танец, — заметила я шепотом, и мой телохранитель, подумав, кивнул.

— Он бьется не так, как сражаются островитяне. Я никогда не видел такой манеры боя, но знаю, что господин Харакаш обладает огромным опытом и много где бывал. Вот бы послушать о его приключениях...

Мы дождались, пока мой наставник выкинет за вытоптанную границу последнего смельчака и, отсалютовав клинками в воздухе, поклонится собравшимся солдатам.

Свист, улюлюканье и стук кулаков по груди были наградой мастеру меча, но я, знакомая с ним ближе, видела, что за внешне безразличным выражением лица скрывается недовольство.

— Сегодня тренировки не будет, — сказал он мне, когда все наконец разошлись, — слишком поздно, слишком много времени я потратил на ублажение своей гордости.

— Ну... это было красиво и познавательно, — попыталась я уменьшить его недовольство, но он раздраженно повел бровями и, коротко поклонившись, ушел в направлении лагеря.

Демонстрация силы не прошла даром: сегодня зевак было гораздо меньше, да и переговаривались они тихо, водя носами в сторону запахов еды, идущих от обоза. Я, полная решимости разговорить своего наставника, приняла базовую стойку, опустив меч лезвием вниз, и, дождавшись кивка, провела серию атакующих ударов.

— Медленно, принцесса, расслабь плечо, когда клинок идет вниз. — Харакаш отбивал удары моего тренировочного одноручника, пристально следя за тем, как я двигаюсь. Меч, полученный от божества, мы решили в тренировках не использовать во избежание каких-либо проблем.

— А где ты так научился... Уф! — Островитянин без предупреждения перешел в атаку, и я даже смогла отбить первый удар, впрочем, потеряв меч после второго.

— Не болтай во время занятий. — Харакаш дождался, пока я подниму выбитый клинок и снова встану напротив него.

Еще полчаса я с переменным успехом наносила ему удары, стараясь одновременно следить за ногами, дыханием и положением рук относительно корпуса, а потом попыталась зайти с другой стороны:

— Это доспех с твоей родины?

Кара в виде ловкой подножки настигла меня мгновенно. Рухнув на землю с коротким воплем, я несколько мгновений смотрела в небо, а потом — на ехидное лицо мастера меча, после чего он протянул мне руку, помогая встать.

С кряхтением поднявшись с земли, я отряхнула юбку, пристегнутую к кирасе, и вздохнула.

— Не вздыхай так тяжело, принцесса. — Невозмутимый Харакаш, уже убрав меч в ножны, скрестил руки поверх своего пончо, демонстрируя мне чешую наручей.

— Мне кажется, что это бессмысленно, — я стянула с головы шлем и подставила лицо прохладному ветерку, — чему можно научиться за такой малый срок?

— Выживать, — просто ответил мастер меча, пожимая плечами. — Ваша задача понять, что выжить — не означает побе-

дить своего противника, тем более — в честном поединке. Выжить — это всего лишь пережить своих врагов.

Недоуменно покосившись на островитянина, я некоторое время обкатывала это высказывание, он же, явно неудовлетворенный моим молчанием, тяжело вздохнул, потом сделал круг по нашему рингу и устался на меня.

— Я знаю, что вопросы убийства не дают тебе покоя, принцесса. Это не то, что можно понять словами. Отнимать чужую жизнь легко. Жить с этим иногда куда как сложнее... — Харакаш почесал подбородок, пытаясь подобрать слова. Я молча ожидала продолжения, но в какой-то момент островитянин просто махнул рукой, видимо отчаявшись выразить свои мысли. — Ужин, ваше высочество. Не стоит заставлять обожждать.

Альвин, уже минут десять как ожидавший у границы тренировочной площадки, забрал у меня шлем и батват¹, и мы пошли следом за мастером меча, предвкушая сытный ужин и возможность принять горизонтальное положение в походной постели.

Я же лелеяла надежду, что, уже сидя возле разведенного перед моим шатром костра, смогу вытянуть из мастера меча хоть какую-нибудь интересную историю, ведь на сытый желудок и собака добрее. Однако ужинали мы в компании Бернарда и пары его доверенных офицеров — мастер меча как сквозь землю провалился, и мне так и не удалось его увидеть до того, как дали команду «отбой».

Избавившись в шатре от доспехов, я сложила их на крышку походного сундука, дождалась, пока Альвин принесет мне котелок с водой, и с глухой тоской по прекрасной деревянной бадье, что осталась в замке (про удобства родной цивилизации я старалась даже не думать), разделась и обтерлась влажной тряпичей. Потом, быстро натянув на себя чистое белье и рубаху, в которой спала вместо ночнушки, забралась с ногами на постель и, расплетя волосы, тщательно их расчесала и заплела заново. Конечно, голову бы помыть, но повернуть это без нали-

¹ Б а т в а т — специальная шапочка, которую надевают под шлем. — *Здесь и далее примеч. авт.*

чия реки под боком с такой шевелюрой было практически нереально, так что я ждала завтрашнего вечера как манны небесной — лагерь будем ставить у реки, и если упрямить Альвина натаскать воды и нагреть сразу несколько котлов на разных кострах после ужина, а из обоза стянуть таз, то я смогу даже немного поплескаться сама. Кто две недели зимой без горячей воды сидел, тот в тазике мыться не боится!

Закончив с волосами, я улеглась в походной кровати, штука куда как более удобной, чем брошенный на пенку советский спальник, сделанный из дерева и собираемой с помощью системы пазов, повошкалась на укрытом шкурами соломенном матрасе и, продавив в нем уютную вмятину, вздохнула, натянув до самых ушей теплое шерстяное одеяло.

За стенами шатра негромко переговаривались часовые. На сон у меня было около семи часов, не стоило тратить их на самокопание — этим я и в дороге заняться могу.

Усталость быстро взяла свое, и только я смежила веки, как мягко навалившийся сон погрузил меня в небытие.

ГЛАВА 2

О котлах и пороках

Проснувшись, я не сразу поняла, отчего это произошло, и несколько мгновений тупо смотрела в темноту шатра. Потом, окончательно стряхнув с себя сонливость, я почувствовала, как знак на руке чуть греет кожу, что само по себе было странно, но вроде бы пока не предупреждало о чем-то действительно опасном, иначе я бы ощущала это совсем иначе. Вытащив правую руку из-под одеяла, я уставилась на языки белого пламени, шевелящиеся на ней. Наверное, некоторые люди в моем мире отдали бы очень много денег за возможность получить подобную татуировку на более видном месте — символ Светозарной, живое белое пламя, мерцающее и двигающееся то ли под кожей, то ли на ней, выглядел красиво, особенно во мраке походного шатра. Да и практично — фонарик с собой носить не надо, так в туалет ночью пойдешь, и есть чем подсветить...

Поймав себя на столь приземленной мысли касательно божественного символа, я вздохнула, подавив смехок. Наверное, меня можно считать настоящей богохульницей, что особенно забавно, потому как именно я тут выступаю в качестве ревнительницы веры...

Сладко зевнув, я отвела взгляд от символа божества и сразу же замерла, смотря на ткань возле самого входа, — по ту сторону шатра кто-то стоял. Мужской силуэт был четко виден благодаря еще не потухшему костру, подсвечивающему его со спины, а потому сразу было ясно, что стоящий без оружия, это меня успокоило. В конце концов, я нахожусь посреди военного лагеря, в самом охраняемом шатре...

Кстати, а где стоявшие у входа стражники?

Мужчина возле опущенного полога переступил с ноги на ногу и все так же ничего не предпринимал, а я лихорадочно пыталась сообразить, что же делать. Звать на помощь вроде бы не было причин — понятия не имею, сколько этот человек тут простоял, но если бы он хотел меня убить, то, возможно, уже сделал бы это, пользуясь отсутствием охраны, чтоб ей пусто было... А может быть, охрана отошла именно по той причине, что ей приказали?

Мысли испуганными тараканами рванули в стороны, оставляя у меня подозрение, что кто-то из офицеров или, хуже того, сам Бернард оказался предателем.

«Но ведь стоящий у входа безоружен... не душишь же он меня собирается?» — пронеслось в голове.

Я вглядывалась в силуэт, пытаюсь догадаться, кто это, и вдруг мелькнула совершенно безумная, но внезапно быстро укрепившаяся мысль.

— Альвин, это ты? — Я позвала шепотом в темноту, и фигура, вздрогнув, помедлила и закивала. Расслабленно выдохнув, я тут же нахмурилась, а потом прикрыла лицо рукой в мгновенной догадке.

Альвин, топчущийся у моего шатра в гордом одиночестве, отпустивший стражу с дежурства... Наверное, он и правда читает дамские романы по ночам! И что прикажете делать?

Спустив ноги с кровати, я нащупала в темноте сапоги, всунула в них ноги и, замотавшись во взятое с кровати одеяло, пошла к входу в шатер.

— Ты что тут забыл? Ну-ка, спать иди! — шепотом же возмутилась я, надеясь воззвать к разуму телохранителя.

— Эвелин, я... мне надо поговорить. — Тихий голос точно принадлежал Альвину.

Приплыли... Сколько я слышала в своей жизни вот этих «мне надо поговорить», сказанных в полумраке у дверей. И заканчивалось это всегда одинаково... Или почти всегда. Некоторых «поговорильщиков» я и на порог не пускала, так что, жалостливо поскребшись в ночи, они стыдливо удалялись прочь от моей квартиры и исчезали из моей жизни. А вот с Альвином что делать?

Пока я судорожно обдумывала варианты, откуда-то сбоку раздались мужские голоса, явно усиливающиеся в нашем направлении.

И что вам всем не спится сегодня?!

— Чтоб тебя... заходи! — Я приподняла полог, и мой телохранитель ловко юркнул в полумрак шатра.

Прижав указательный палец к своим губам, я некоторое время еще прислушивалась к голосам идущих мимо — обсуждали, кажется, кого-то из обозных дам, — а после, убедившись, что никто не стал случайным свидетелем порочащего принцессы поведения, обернулась к Альвину:

— Скажи мне, о доблестный воин, какого хрена ты приперся к моему шатру посреди ночи и торчал у него как столб?!

Мое гневное шипение, очевидно, сбило его с толку. Он некоторое время молча смотрел мне в лицо, потом неловко улыбнулся, потупил взор и снова посмотрел на меня, заставив сделать полшага назад. Я слишком хорошо знала этот взгляд. Не могу, конечно, сказать, что в свои тридцать два года я была прожженной сердцеедкой и опытным психологом, но взгляд влюбленного в тебя по самые уши мужчины опознать мне было по силам — эту смесь упрямства, обожания, детского восторга и совершенно недетской нежности сложно с чем-то спутать даже в полумраке.

— Эвелин... — начал он.

— Тсс! Ее высочество Эвелин Латисская, и никак иначе! — Я понадеялась вразумить телохранителя титулом. Не помогло.

— Эвелин... — предпринял вторую попытку Альвин, беря меня за левую руку, которую я тут же выдернула из его ладони, тщательно стараясь не смотреть ни на красивую сильную шею, ни на широкую грудь, ни на тугие мышцы рук, что не скрывала рубаха из небеленого льна. Альвин мне просто нравился как человек, а девичье тело явственно было готово меня предать. Ох, кажется мне, что принцесса не так чиста и непорочна, как мне думалось раньше... Впрочем, не особо-то это и удивительно.

— Так, давай успокоимся и поговорим как взрослые люди, — все так же, на пониженных тонах, продолжала я взывать к разуму Альвина. — Ты простой стражник, воин из неблагородной семьи, я — принцесса королевства, защитница веры, обещанная другому мужчине в жены, давай не будем совершать поспешные поступки, это никого не доведет до добра! — Все это время я двигалась от него по полукругу, пытаюсь сохранять дистанцию, а он шел следом, не сводя этого своего взгляда как привязанный ко мне подросток-волкодав — большой, сильный и такой дурно-ой...

— Я все давно обдумал. Я люблю вас, ваше высочество, и прошу стать моей дамой сердца, коль вы не можете стать моей женой, — ответил мне этот персонаж из женского романа, а я давила на корню желание схватиться за голову.

Обдумал он! ДАВНО! Чуть больше недели он с принцессой в моем лице общается — и уже, надо же, все давно обдумал!

Пока я страдала острыми приступами сарказма, Альвин успел сократить дистанцию и снова нежно взял меня за руку. Знак на правой ладони чуть потеплел, заставив меня раздраженно шевельнуть пальцами, сжимающими шерстяное одеяло, в которое я все еще куталась.

«Магическая сигнализация это, конечно, здорово, но вот давай ты в мою личную жизнь вмешиваться не будешь? — Адресуя сии мысли божественному символу, я нехотя подняла глаза на своего телохранителя. — Нет, а с другой стороны, ну что я теряю? Почему нет? Я взрослая, самодостаточная жен-

щина, тем более королевских теперь кровей. Если не кривить душой, то любовники у принцесс-королев не такая уж и редкость, а консумация брака часто совершалась совмещением ножа и пальца. Я, может быть, помру через неделю, а может быть, помру в попытке убить Аримана, должна же я получить хоть какое-то удовольствие от этой жизни? Альвин красив, достаточно умен, влюблен, предан мне всей душой... а будет еще и телом...» — Последняя часть мыслей заставила меня нервно хихикнуть. Мягкие поглаживания моей ладони на мгновение прекратились, и я, взглянув в вопросительно-умоляющие глаза, медленно кивнула, опустив ресницы в какой-то внезапной, обычно не свойственной мне робости.

Чуть грубоватые мужские пальцы скользнули под одеяло, в которое я все еще куталась, задрали рубаху, провели по моей талии в сторону позвоночника, чтобы аккуратно надавить на поясницу, придвигая меня к их обладателю. Сопrotивляться мне не хотелось — торги с совестью я проиграла и надеялась получить от этого как можно больше удовольствия. Целовался Альвин на удивление умело, с жаром, без юношеской робости, которую я в нем подозревала.

«Интересно, как целовался Фалько?» — Мысль мелькнула в моей голове вместе с образом несостоявшегося жениха, правую ладонь внезапно сильно обожгло, отчего я, вздрогнув, распахнула глаза с коротким и тихим вскриком и увидела, как лицо Альвина пошло рябью, «потекло», будто смазанные масляные краски, и начало приобретать черты графа Оташского!

Вопль, который я издала, наверняка слышал весь лагерь, я дернулась прочь и вдруг почувствовала, что почему-то падаю, а после — очнулась на земляном полу около своей кровати. Я прижалась к ней спиной и смотрела на странное бесформенное существо, рябящее и пузырящееся всей своей поверхностью, что тянуло ко мне мерзкие щупальца, беспорядочно усыпанные склизкими присосками, замерев в каких-то миллиметрах от моего тела, которое его явно не интересовало. Его интересовала Ато, запас которой благодаря Светозарной был у меня весьма велик, но все же не безграничен, и я явственно

ощущала, как он стремительно уменьшался с каждой секундой.

Знак на руке полыхал неудержимым белым огнем, я слышала, как за тканевыми стенками шатра раздается вполне недвусмысленный шум, и, понимая, что сейчас ко мне ворвутся все, кто только сможет, с трудом отвела взгляд от омерзительной твари, нашла более-менее приличную лазейку между его щупальцами и, собравшись с духом, выполнила самый идеальный прыжок с кувырком, какой только делала в своей жизни. Харакаш мог бы мной гордиться!

Вцепившись в спасительно близкую рукоять своего меча, я, не поднимаясь с колен, развернулась и наотмашь рубанула по метнувшимся ко мне щупальцам, уже видя, как в шатер врывается Харакаш и Альвин. Настоящий Альвин!

Мастер меча, перехватив свой клинок, коснулся кромки пальцем, разрезая его, и окровавленным уже лезвием кромсая тварь, пока я, пытаюсь унять бешеный стук сердца, поднималась с земли, крепко сжимая в правой руке меч, а левой опираясь на поданную моим телохранителем руку. Потом, осознав, кто мне помогает, как я сейчас выгляжу и насколько же я феерическая дура, отстранилась от Альвина, одновременно разворачивая его за плечи лицом к входу — чтобы в случае чего спрятаться за ним от снующего перед палаткой офицера и спрятать голые ноги, весьма бесстыже по местным меркам торчащие из-под рубахи, длиной достигающей лишь до середины бедра.

Когда страсти немного улеглись, а изрубленная на куски тварь осыпалась белым пеплом (в голове я поставила жирную пометку — не забыть спросить у Харакаша, что у него за кровь такая ядовитая), мастер меча громко оповестил всех, что беспокоиться уже не о чем, разогнал офицеров, выдал мне одеяло для того, чтобы я в него завернулась, и выпроводил из шатра Альвина. Запалив масляную лампу, островитянин оглядел мою все еще нервно дергающуюся от пережитого персону, глубоко вздохнул, сев на второй мой походный сундук, не занятый доспехами, достал из-под пончо фляжку и протянул ее мне. В ней оказалось даже не вино — какая-то крепкая травяная настойка, от одного глотка которой показалось, что внутри

меня загорелось маленькое солнце. Не рискнув пить больше, я вернула флягу мастеру меча.

— Ты неплохо справилась. — Расщедрившийся на похвалу Харакаш вызвал у меня новые танцы лицевого нерва, отчего правый глаз отчаянно задергался. Наставник, оценив нервный тик, хмыкнул.

Некоторое время мы сидели в тишине, потом я почувствовала, что меня немного отпустило от всего произошедшего, и покосилась на островитянина, что рассматривал пепел на земляном полу.

— Почему твоя кровь... — начала было я, но Харакаш выразительно скривился и возвел очи куда-то к потолку, перебивая меня:

— Больше мне интересно, почему ты кричала: уларь'маор вызывает исключительно приятные видения, ему нужны самые сильные положительные эмоции. Не хочешь рассказать мне, что случилось? — Почти бесцветные глаза мастера меча с интересом уставились на меня. Я натянула одеяло до самых ушей, чувствуя, что неизбежно краснею, и буркнула куда-то себе в колени, что не хочу. — Хм... ну, хорошо. Жаль, что магистр не дал тебе никакой артефакт, чтобы ты могла чувствовать этих тварей. — Скрестив руки на груди, мой собеседник окинул взглядом шатер, остановившись на мече, что я прислонила к краю кровати рядом с собой, чуть воткнув кончиком в землю.

— Он хотел, но после того, как это, — я покрутила правой ладонью в воздухе, — стало реагировать на тварей из Грани, в нем отпал смысл.

Харакаш поджал губы, оглядел меня и кокон из одеяла, в который я завернулась, вопросительно поиграл бровями, но я молчала, как партизан на допросе, не собираясь признаваться в причинах, по которым игнорировала предупреждение «пламени» на руке.

— Ладно, — наконец сдался мастер меча, — видимо, что-то пошло не так. Постарайся поспать еще немного, принцесса. Завтрашний день будет таким же, как все предыдущие.

Угу, значит, никаких послаблений в связи с форс-мажорными ситуациями не предвидится. Очевидно, для тебя уважи-

тельной причиной пропустить тренировку является только смерть, и то я до конца в этом не уверена. Проводив взглядом выходящего из моего шатра Харакаша, я представила, как он стоит над моим бранным телом и требует, чтоб ее высочество прекратила симулировать и немедленно отправлялась на пробежку. А ведь с него станется, и я правда встану и пойду...

Уснув под утро, я часто просыпалась, нащупывая ладонью рукоять меча — ее легкая прохлада, казалось, всего на десяток градусов ниже температуры моей руки, успокаивала. Мне было мучительно стыдно перед самой собой и перед Альвином, хоть он ничего даже не подозревал. Я прокручивала в голове все те немногие разговоры с ним, в том числе и о его отношениях с Деллой, и не могла понять, что же на меня нашло, если я решила, будто мой телохранитель, человек стойких моральных принципов, имеющий честь и гордость, пойдет ночью к дочери короля с амурными целями?

Натянув одеяло до самой макушки, я крепко зажмурилась, а потом сделала поочередно пять-шесть глубоких и медленных вдохов-выдохов. Постепенно тревожные мысли отступили, голова моя снова отяжелела, и я погрузилась в сон.

Утро принцесс в романах начинается обычно со служанки, которая раздвигает шторы, впуская лучи солнца в комнату, приносит теплую воду для умывания и свежее испеченные круассаны. Мое утро вот уже четвертый день подряд начинается именно таким образом, разве что распахивают не шторы, а полог шатра, и то — на время, и будит меня не личная служанка, а вредный лысый воин-островитянин, принося мне вместе с холодной водой для умывания... ровным счетом ничего.

— Если ты хочешь завтракать не в седле, советую поторопиться. — Пока я продирала глаза, отчаянно зевая и пытаюсь сфокусировать взгляд на мастере меча, он деловито смерил шагами шатер, обернулся, скрестил руки на груди и демонстративно возвел глаза к потолку. — Собирайся шустрее, принцесса. Планы изменились, ты заслужила небольшую награду за ночные подвиги. — В его голосе сквозило ехидство, отчего мне захотелось швырнуть в него подушкой. Но подушки не было, да если и была бы — что бы это дало?

— Собираюсь, собираюсь. Буду готова через четверть часа.

Удовлетворенный моим ответом, мастер меча покинул шатер, а я получила возможность выбраться из-под одеяла и приступить к сборам. Я, конечно, могла бы сделать это и раньше — меня-то не пугала перспектива показать голые «аж до бедра» ноги постороннему мужчине, но в этом мире пляжей еще не придумали и подобные выходки благовоспитанной принцессе претят — а ну как островитянин еще лекцию мне закатит о непозволительном поведении? Он и не на такое способен!

Холод, идущий от земли, меня быстро взбудрил, заставив ускорить процесс облачения в одежду. Голова зудела противно и навязчиво — волосы надо было срочно помыть, благо с собой мне завернули мыльный корень и какие-то баночки, последовательность использования которых Мира отметила прямо на крышках.

При мыслях о Мире чуть взгрустнулось — мне не хватало ее доброго взгляда и заботливых рук. Эта прекрасная женщина распространяла вокруг себя какую-то ауру домашнего уюта, и я по-хорошему завидовала Марии, оставшейся в замке у нее на попечении.

Быстренько натянув штаны, носки и вторую рубашу, переплетя растрепавшуюся за ночь косу, я надела стеганую куртку и, поколебавшись, откинула полог шатра.

Без своего верного оруженосца я не смогла бы нормально надеть кирасу — строго говоря, технически это было возможно, но пыхтеть лишние десять-двадцать минут мне не хотелось. Потому, найдя взглядом Альвина, что уже ошивался поблизости, привычный к водружению на меня доспеха каждое утро, я поманила его рукой.

Ремни кирасы, наручи, перчатки, горжет, батват, шлем. Защиту ног я надела еще до этого самостоятельно. Закрепив на себе перевязь с божественным оружием, я вышла из шатра, предварительно накинув плащ и закрепив фибулой, огляделась и, не найдя в обозримом пространстве Харакаша, обернулась к Альвину:

— А где наш несравненный воин с Туманных островов?

Альвин в ответ подвел ко мне взнущанного Гаратэ.

— Сказал, что ждет нас впереди, и велел не задерживаться в лагере.

— А завтрак?! — взвыла я, и мой оруженосец продемонстрировал небольшой мешок, притороченный к седлу его лошади.

— Я взял из обоза печеных яблок, вяленого мяса и грушу. И ваш травяной отвар, конечно, во фляге.

Чувствуя, что не останусь голодной, я благодарно кивнула Альвину и влезла в седло. После ночных приключений и плохого сна тело побаливало, но любопытство пока побеждало.

Что же ты такое придумал? Может, покажешь какой-то особенный прием? Или наконец-то решил ответить хотя бы на один из моих вопросов и сделать это подальше от лишних ушей?

Мы выехали из лагеря, махнув постовым и сообщив, что подождем их чуть дальше, и кони затрусили по дороге.

Погода стояла безветренная, мороз практически не ощущался, лишь легкий пар срывался с губ. Солнце светило с чистого зимнего неба, снег под копытами коней хрустел и искрился.

Ночные переживания постепенно отходили на задний план — этому немало помогало печеное яблоко, точнее, печеное земляное яблоко, а если по-нашему — картошка, которую я получила от Альвина вместе с полоской вяленого мяса. Есть в латной перчатке было не очень удобно, но вполне возможно, а снимать ее не хотелось, потому и картошку и мясо я ела, крепко сжимая в льняной тряпице.

Наконец, когда я не только доела, но и запила холодным (вот он, минус воощеных кожаных фляг, в них нельзя наливать горячие напитки) отваром, возле небольшого лесного островка мы заметили стреноженную серую кобылу мастера меча и его самого, успевшего развести небольшой костер из валежника.

Выглядел Харакаш настолько довольным, что у меня ментально зашевелился червячок недоверия — я была уверена, что островитянин придумал очередной способ «с пользой провести время», и мне в этой придумке отводилась самая активная роль!

— Ну наконец-то. — Встав с небольшой горки хвороста, которую, очевидно, сам же и натаскал, мастер меча скрестил руки на груди и подождал, пока мы подъедем и спешимся.

— И зачем мы здесь? — Оглядываясь, я рассматривала небольшую рощицу, разведенный островитянином костер и думала о том, что при такой благодатной погоде шашлыки бы жарить да через огонь прыгать, а не вот это вот все...

Мои размышления прервались самым неожиданным образом — метко пущенным прямо в шлем снежком!

Резко обернувшись, я увидела старательно скрывающего улыбку Альвина и островитянина, который уже подбрасывал в ладони новый снежок, стоя в четырех-пяти метрах от меня.

— Есть у меня на родине одна игра, принцесса... — начал этот рыжебровый засранец и сделал вид, что замахивается снежком.

Я, совершенно не задумываясь, с коротким писком спряталась за Альвином.

— Снимай с меня перчатки, сейчас я ему... Да нечестно так! — Я дернулась от очередного снежка, который обошедший нас с оруженосцем Харакаш кинул мне в бок. — Дай только перчатки снять!

Распираемая азартом и каким-то детским восторгом, я трясла руками, пытаюсь стряхнуть с них готические перчатки, больше мешая Альвину, чем помогая. В конце концов ему это надоело, и он, схватив меня за запястье, сначала расстегнул одной рукой ремни на правой перчатке, потом повторил ту же процедуру на левой.

Да так и остался стоять, сжимая в руках элементы моего военного гардероба, с переброшенным через плечо моим плащом, который я скинула следом за перчатками, наблюдая, как его принцесса лепит из снега шары и с боевыми воплями пытается поразить верткого, как ласка, островитянина.

Уже минут через десять я почувствовала, как по моей спине струится пот, а через пятнадцать мне казалось, что Харакаш просто хочет моей смерти. В непримиримой снежной битве я имела провальный счет, однако душу грело целых четыре метких попадания, одно из которых было прямо в лоб островитянина!

Альвин переместился к костру, отведя лошадей в сторону, и наблюдал за нами оттуда, периодически подкидывая веточки в костер. На призыв Харакаша присоединиться к нашему весе-

лью тот только покачал головой, выставив перед собой руки. Впрочем, веселье длилось недолго — я быстро выдохлась, что, учитывая мое обмундирование, было вовсе не удивительно. Усевшись прямо в небольшой сугроб, я попыталась стянуть с головы шлем, чтобы немного остыть, но оказавшийся рядом мастер меча стукнул меня по рукам.

— Вставай и к костру, не хватало еще, чтобы защитница веры сопливила перед лицом всех этих баронов, виконтов и графов.

— Ты сейчас напоминаешь мне Миру, — не смогла не поддеть его я, упираясь в землю руками и вставая. Харакаш ничего не ответил — он просто отвернулся и пошел к костру, а я, несколько обескураженная его реакцией (ожидала-то очередную подколку!), пошла следом.

Меня усадили на хворост, сунули в руки остатки травяного отвара, сняли шлем и запретили даже пальцем прикасаться к батвату, угрожая лечением с помощью горячего молока, барсучьего жира и волшебных слов.

— И где мы достанем молоко?

— Придется ради такого дела ограбить ближайшую деревню. — Островитянин скорчил самую невинную физиономию и подмигнул Альвину, сидящему чуть поодаль.

— А барсучий жир?

— Возможно, сэр Харакаш одолжит тот, которым смазывает свою густую шевелюру, — внезапно ответил Альвин.

Я замерла с открытым ртом, а мастер меча расхохотался.

— Подожди, ты что, правда мажешь голову барсучьим жиром? — Переводя взгляд с оруженосца на Харакаша и пытаясь понять, пошутил Альвин или нет, я вдруг поймала себя на мысли, что мне комфортно. Так, как бывает комфортно в окружении старых знакомых, с которыми ты вроде бы не особо близок, но все же есть что-то приятное и дружеское, что вас связывает.

— Некоторые вещи, принцесса, должны оставаться тайной, — отсмеявшись, ответил мне мастер меча.

— Я так понимаю, волшебные слова, которыми ты собрался меня в случае чего лечить, тоже относятся к этим вещам?

— Абсолютно верно, — со смешком подтвердил островитянин. Я хмыкнула, старательно убирая дурацкую улыбку, и протянула руки к огню.

Еще где-то с полчаса мы сидели в тишине, слушая треск костра и жмурясь, глядя на пламя. А потом собрались и выехали навстречу уже тронувшейся по дороге армии. Переход до реки был ничем не примечательным, я просто периодически поклевывала носом в седле, выныривая из сладкой дремы только для того, чтобы окинуть взглядом дорогу и раскинувшийся вокруг пейзаж, спросить у Альвина, скоро ли мы прибудем, и, получив неизменный ответ: «Да, ваше высочество, уже скоро», снова погрузиться в зыбкий сон.

«Скоро» оказалось не меньше, чем шестью часами, — худобно я научилась определять время по положению солнца благодаря паре уроков, данных Харакашем. Под конец нашего пути я чувствовала себя самым несчастным и одновременно самым злым человеком на свете. Грязная голова зудела под шлемом, ощущение прилипшей к спине рубахи доводило меня до белого каления, в придачу я чувствовала, как чешется копчик, и никак не могла его почесать так, чтоб это не было слишком заметно.

По всем этим причинам, когда наша армия подошла к изгибу реки, где мы и планировали разбить лагерь, я безапелляционным тоном велела Альвину отправиться к обозным — требовать самую большую и крепкую лохань, глубокое ведро и черпак и передать мой наказ: после готовки сразу поставить на огонь большой котел с водой. Делать это до ужина или вместо него я все же не стала — если я плюну в солдат, они утрутся, но если они плюнут в меня...

Самая большая лохань выглядела как добротный деревянный таз с бортами примерно в метр высотой и шириной чуть меньше метра. Что ж, выбирать не приходилось, хорошо, что было хотя бы это.

Лохань была торжественно водружена в центре моего шатра, Альвин взял в оборот кого-то из солдат, и они притащили туда же две треноги-подвеса: одну для котла с горячей водой, вторую — для котла с холодной. Я мерила шагами пространство вокруг, вспоминая, что короткая прическа у меня появилась

одновременно с увлечением походами в составе студенческой группы, пока все те же два страдальца наполняли второй котел холодной водой из реки.

Наконец, когда четверо мужчин притащили наполненный крутым кипятком котел и установили его на треногу, я приказала Альвину встать на страже у входа в шатер, завязала полог внизу, вытащила из походного сундука пушистые полотенца и принялась снимать одежду.

Раздевшись до пояса, я решила повременить со штанами и сапогами. Волосы длинные, мыть их относительно долго, а мерзнуть голой, стоя босыми ногами на земляном полу пусть и мягкой, но все же зимой, мне совершенно не хотелось.

Вытащив из того же сундука простой деревянный ларчик, а из него — маленький глиняный горшок, горловина которого была затянута тканью и завязана веревкой, я высыпала порошок в разведенную мною воду в лохани и приступила к помывке всего того добра, что наотращивала принцесса.

Уже спустя минут десять я поняла, что не предусмотрела лишь одного — куда девать грязную воду. Потому, после того как волосы были домыты, мне пришлось намотать полотенце на голову, натянуть на себя грязную одежду и, расшнуровав полог, попросить Альвина взять себе помощника и вылить использованную воду за пределами лагеря.

Клянусь, что в тот момент мой телохранитель впервые на моей памяти задумался о том, что меня было бы проще придушить. Однако, ограничившись коротким выразительным взглядом, Альвин исчез, а вскоре появился с кем-то из солдат, и они вынесли лохань, чтобы потом вернуть мне ее пустой. Искренне поблагодарив их, я повторила последовательность с зашнуровыванием полога и раздеванием, на этот раз уже полностью, убрала полотенце с головы, завязав на макушке что-то вроде гульки, и со вздохом, согнув ноги в коленях, устроилась в лохани, поливая себя разведенной водой из ведра и яростно шкрябая кожу пальцами.

Вода остывала быстро, потому растягивать удовольствие не получалось. И вот, стряхнув капли с ног, я всунула их в сапоги, энергично растерлась, оделась в чистое и снова заплела

волосы, чувствуя себя почти что заново родившейся. Вот она — привычка к комфортной жизни! Ведь ходила в походы на неделю-полторы, и вполне устраивало меня обтирание влажной тряпкой, в походе же! А тут...

Я отвязала полог шатра и снова вернулась к сундукам, ища в их недрах чистые шерстяные носки.

— Альвин, унесите воду, пожалуйста. — Мой окрик остался без внимания, я удивленно подняла голову, прислушалась и только сейчас поняла, что вокруг как-то настораживающе тихо.

Я почувствовала подкрадывающуюся нервную дрожь. Доспехи надевать было некогда, да и все же — звуки стоящего вокруг меня военного лагеря были, просто они стали иными.

— Альвин?.. — Я, найдя носки, шустро натянула их, снова обулась и, накинув на плечи плащ, взяла в руки ножны и откинула полог шатра, тут же лицезрея преинтереснейшую картину.

На площадке, что была перед моим шатром, полубоком ко мне стоял Харакаш в весьма недвусмысленной позе, указывая обнаженным клинком в сторону незнакомого мне бородатого мужчины, огромного, похожего на вставшего на дыбы медведя, облаченного в тяжелый доспех и бело-красные одежды и сжимающего в руках недурственного размера молот, украшенный символом Светозарной. За спинами человека-медведя стояли еще несколько мужчин в похожих одеждах и доспехах, но вооруженных мечами. Альвин, чуть отошедший от шатра, нервно сжимал рукоять клинка. Замершие вокруг солдаты выглядели растерянными, а командующий Бернارد, до этого момента переводивший отчаянный взгляд с Харакаша на неизвестного с молотом, метнул умоляющий взгляд на меня. Впрочем, молотоносец тоже заметил мое появление и, бросив островитянину короткое «позже договорим», повернулся ко мне.

— Приветствую тебя, защитник веры. — Моя принадлежность к женскому полу была игнорирована. Густой низкий голос, исторгнувшийся откуда-то из глубин этого человека, был похож на голос горы, если бы они умели разговаривать. Я при-

стально смотрела незнакомцу в лицо, мысленно отмечая наличие явно сломанного носа, рассеченную бровь, шрам через губу и совсем свежий рубец, уходящий со лба куда-то под широкий красно-белый капюшон.

Опустив молот, он поставил его себе на сапог, сопроводив это характерным металлическим стуком, видимо, стальной носок уже вошел в моду. Не дождавшись от меня какой-либо реакции, кроме молчания и пристального взгляда, мужчина снял капюшон, демонстрируя тронутые сединой чуть курчавые темные волосы.

— Я — комтур¹ Ханс из Алой крепости. Магистр Ирвин просил встретить вас на дороге в герцогство и обеспечить необходимое сопровождение, но есть вещи, о которых он, очевидно, не знал и которые меняют ситуацию.

— Полагаю, эти вещи связаны с безобразной сценой, которую я сейчас лицезрела? — Я очень старалась говорить нейтрально, сохраняя некую нотку дружелюбия в голосе, но чувствовала, что мне удавалось это с трудом. Уверенность в том, что не мастер меча спровоцировал конфликт, была очень велика, а уж после слов этого Ханса...

— Верно, — коротко ответил мне рыцарь.

Я вздохнула, нашла взглядом Бернарда, который за спиной воина-монаха посылал мне отчаянные сигналы, тыча пальцем в офицерский шатер за своей спиной.

— Что ж, предлагаю вам обсудить все это в более мирной обстановке, как подобает цивилизованным, не являющимся друг другу врагами людям.

Ханс замешкался, прислушиваясь к моим словам, но кивнул.

— Бернард! — окликнула я командира, и тот появился рядом со мной так внезапно, словно освоил телепортацию. — Отведи комтура в штаб и проследи, чтобы братьев-монахов устроили не хуже наших солдат.

¹ К о м т у р — брат-рыцарь, который управлял определенной областью орденского государства. На него возлагались церковные, административно-хозяйственные и военные функции. В военное время комтуры становились во главе отрядов орденских братьев. Положение и должность обязывали их сражаться в первых рядах, показывая пример остальным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> О свершившемся и грядущем	5
<i>Глава 2.</i> О котлах и пороках	17
<i>Глава 3.</i> О взрослых детях...	33
<i>Глава 4.</i> ...и вынужденных признаниях	51
<i>Глава 5,</i> в которой ожидания разбиваются о реальность	73
<i>Глава 6.</i> О тонкостях командной работы	91
<i>Глава 7.</i> О меде, зависти и гордыне	113
<i>Глава 8.</i> Милость Ее	130
<i>Глава 9.</i> Об особенностях средневекой психотерапии	139
<i>Глава 10.</i> О налаживании контактов и возвращении домой	157
<i>Глава 11.</i> О тайных посланиях, поединках и добродетелях	171
<i>Глава 12.</i> О верных друзьях, заученных уроках и потерянном времени	198
<i>Глава 13.</i> О действии и противодействии	219
<i>Глава 14.</i> О жертвах добровольных и вынужденных	228
<i>Глава 15.</i> О трудностях социального взаимодействия и важности весла	247
<i>Глава 16.</i> О чужих секретах и нарушенных обещаниях	264